МАТЕРИАЛЫ К ОТЧЕТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ЭКСПЕДИЦИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН
ЛИТОВСКОЙ ССР 1948—1967 гг.
(Вильнюс, 13—15 мая 1968 г.)
ВИЛЬНЮС—1968

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ В РЕШЕНИИ ЭТНОГЕНЕЗА ЛИТОВЦЕВ

В. УРБАНАВИЧЮС

Не останавливаясь на вопросах изложения самого метода восстановления лица по черепу и возможностях его применения вообще, хотелось бы коснуться тех возможностей и перспектив, которые открывает данный метод перед археологами Литвы.

Основой для восстановления лица по этому методу, как известно, является череп. Он дает возможность судить об эволюционном развитии человека, о его расовой и этнической принадлежности, о некоторых болезнях, перенесенных человеком той или иной эпохи, наконец, о внешнем облике человека. В Литве найдены только два целых черепа, относящихся к неолиту. Один из них был найден около р. Кирсна, другой — в торфянике Турлоишкис. Эти места находятся в южной части Литвы, неподалеку друг от друга (в Капсукском р-не). По этим черепам судить о каком-то определенном этническом типе всех жителей Литвы данной эпохи, конечно, нельзя, тем более, что эти жители, если судить по этим черепам, относятся как бы к разным этническим группам. Например, череп из д. Кирсна — европеоидный (Žilinskas, 1931), а череп из д. Турлоишкис имеет какую-то примесь монголоидности (Витов, Марк, Чебоксаров, 1959). При реконструкции лица по черепу из д. Турлоишкис упомянутая монголоидность ярко не отразилась, если не считать некоторой уплощенности лица.

Большая часть краниологического материала, собранного в Литве, относится к II—V вв. н. э. Исследовано много могильников с трупоположением, собраны сравнительно большие серии черепов римского периода. К сожалению, во время II мировой войны почти все эти серии были перемешаны между собой, потерялись их метрики, в результате чего они частично утратили свое научное значение. Но главное, что памятники этой эпохи и в дальнейшем нам предоставят возможность пополнить старые и собрать новые, хотя и небольшие, серии черепов.

Начиная с V в. н. э., в Литве снова появляется обычай трупосожжения, который распространяется с юго-востока на запад и север. Уже в X в. этот обычай охватил всю территорию Литвы, за исключением северной ее части. Таким образом, с распространением этого обычая уничтожался и ценный краниологический материал. В западной части Литвы еще есть довольно много погребений в VIII—XII вв. с трупоположением, но костяки там под действием особых почвенных условий в большинстве случаев не сохраняются.

Последние в хронологическом отношении черепа до распространения обычая трупосожжения у нас датируются V—VII вв. По некоторым из них уже восстановлены лица людей V—VI вв. Это мужчина из Мауджёрай (Кяльмеский р-н), женщина из Вялюоны (Юрбаркский р-н), мужчина из Крикштонис (Лаздийский р-н).

После официального крещения Литвы обычай трупосожжения был запрещен и в XV в. исчез. Исследование могильников с трупоположениями конца XIV в. и позднее дало очень много краниологического материала. По пяти черепам из могильника Румшишкес (Кайшядорский р-н) сделаны скульптурные, а по пятидесяти — графические реконструкции лиц литовцев XV—XVI вв.

Измерения черепов древних жителей Литвы показали, что в первой половине I тысячелетия н. э. они были длинноголовыми с довольно низкими орбитами (Žilinskas, 1927), а люди XV—XVI вв. уже более широкоголовые и более похожи на людей нашего времени.

Как общую черту людей этих эпох (римского периода и XV—XVI вв.) хотелось бы отметить, то, что женщины физически были гораздо больше похожи на мужчин своей эпохи, чем в настоящее время. Эта особенность была довольно ярко заметна еще на примере черепов XVIII—XIX вв. (Žilinskas ir Jurgutis, 1939 г.), и поэтому иногда очень трудно определить пол древнего человека по его черепу.

Говоря о различиях между черепами жителей Литвы I и середины II тысячелетия н. э., следует коснуться и причин изменения физического типа человека в течение одной тысячи лет. Причины здесь могут быть две: или эти изменения произошли в результате каких-то внутренних причин, или в результате метисации местного населения с какими-то новыми жителями. Ответить на этот вопрос может помочь только исследование черепов людей, живших на территории Литвы, начиная с первых веков н. э. до XV—XVI вв. Эти изменения должны были произойти в VIII—XIII вв., а это как раз тот период, когда обычай трупосожжений был в самом разгаре, и черепа можно найти только в северной части Литвы. Но сравнивать краниологический материал одного периода и

одной территории с материалами другого периода и другой территории и по такому сравнению делать какие-то выводы в отношении эволюционного развития физического типа литовцев вряд ли было бы правильно, тем более, что речь идет о территориях с разными погребальными обрядами и некоторыми различиями в материальной культуре. Территорию земгалов, в которую входит южная часть Латвии и северная часть Литвы, в антропологическом и даже других отношениях следовало бы изучать отдельно, так как на ней жила своеобразная этническая группа людей, которая выделяется своей материальной культурой, своими обычаями.

Вместе с изучением остальной части Литвы возникает вопрос, почему ее жители опять стали сжигать умерших, и где искать корни этого обычая: здесь, на месте, или где-то за пределами Литвы. В настоящее время мы можем только ставить вопрос, не связаны ли между собой два явления — изменение физического типа человека и распространение обычая трупосожжений.

Ответ на эти вопросы можно получить только в результате сотрудничества археологов, антропологов, лингвистов. Тогда возможно будет ответить не только на эти вопросы эпохального характера, но и на более обширные, например, когда, откуда и по какому пути пришли на территорию Латвии и Литвы предки теперешних их жителей.